

ВСТРЕЧИ
ПО ВАШЕЙ
ПРОСЬБЕ

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

ДОМ НАЗЫВАЕТСЯ «Дарзини», что в переводе на русский означает «сады». Он и на самом деле утопает в цветах, этот деревенский дом с дощатым крылечком и низкими окнами, чем-то неуловимо похожий на лесной теремок из добрых латышских сказок.

Сегодня тут на всем лежит печать ранней осени. Пожух травяной ковер, пожелтели широкие листья кленов... Но сад все же великолепен. В нем пламенеют астры, гладиолусы, георгины. Доцветают флоксы, и воздух вокруг густо напоен их тонким терпковатым запахом.

— Хорошо-то как! — улыбается моя собеседница. — Нигде так не отдыхаешь душой, как в этом царстве цветов и зелени. И мыслится здесь легче, свободнее и, если хотите, возвышеннее. Многие свои роли я обдумывала именно здесь, вот на этой скамье под яблоней, где мы сидим...

— Я ведь, кстати, родилась и выросла в деревне, — продолжает она. — С молоком матери впитала в себя крестьянскую преданность земле-кормилице. И сейчас люблю возиться в саду. Не знаю, как лучше вам объяснить, но приятная эта работа помогает мне глубже ощутить свою неразрывную связь с землей, свою принадлежность к ней, что ли...

Я слушаю Вио Артмане, народную артистку СССР, и невольно завидую ее удивительной способности всегда находиться в самой гуще жизни, с народом. Делегат XXIV съезда КПСС, кан-

дидат в члены ЦК КП Латвии, секретарь партийной организации театра, она успевает выступать на заводах, в колхозах и совхозах, профессионально — технических училищах да притом еще объезжать чуть ли не весь мир. Участница различных делегаций работников искусства, Артмане побывала более чем в тридцати странах мира. И сейчас снова собирается в дальний путь, на этот раз в Италию.

А сегодня у нее выходной. И хотя он до отказа заполнен обычными «земными» хлопотами хозяйки дома и матери (стрельней, уборкой комнат, провялкой первых школьных тетрадок маленькой Кристианы), актриса все же выкроила время и для нашей беседы.

В саду становится прохладнее. Вия зябко кутается в теплую шаль, и от этого лицо ее приобретает немного усталое и как бы отчужденное выражение. Пойдите, у кого еще я видела именно такое лицо? Ну, конечно же, у паромщицы Сони из фильма «Родная кровь». принесшего Артмане мировую известность! Помните, в сцене встречи с Федотовым, когда тот поверил сплетне?

В основе этого фильма, поставленного режиссером М. Ершовым по повести Ф. Кнорре, лежит, казалось бы, простая житейская история: два человека, жизнь которых исковеркала вой-

на, случайно встретились на волжской переправе и потянулись друг к другу, еще не зная, что таит в себе их зарождающаяся любовь. Смелая и трудная любовь Сони, не скрепленная печалью загса и потому легко уязвимая, не защищенная от злозлычя, предстает перед зрителями духовным подвигом, утверждающим неизменное право человека на счастье.

— Наверное, это ваша любимая роль? — спрашиваю я.

— Роль? — задумчиво повторяет Вия. — Для меня это больше, чем роль! Соня — вроде бы частичка меня самой, моего собственного «я». Вместе с ней я шла по жизни, склонялась у изголовья ее детей, страдала от людских наветов, мучилась от разлук, верила в близкое счастье... А вообще-то что такое любимая роль? Для меня они все до одной — любимые. Даже те, которые не удалсь. Это как труд-

ные дети: страдаешь из-за них, плачешь, не спишь, но любишь...

— А сейчас вы снимаетесь?

— Нет, — говорит Артмане. — И, честно признаюсь, радуюсь этой временной передышке. Хочется целиком посвятить себя сцене. Я ведь актриса прежде всего театральная. Вот уже двадцать три года работаю в Академическом художественном театре имени Яна Райниса...

ЗА ЭТО ВРЕМЯ Вия сыграла множество ролей. Мне вспоминаются ее нежная и мужественная в любви Джульетта, мечущаяся в тяжелом душевном смятении Офелия, исполненная глубокого внутреннего тепла и света Лаймдота из трагедии Райниса «Огонь и ночь»... Как всякий истинный художник, в каждой своей работе актриса не повторяла себя, но открывала людям неведомые прежде грани своего таланта.

Я думаю об этом, а Вия тем временем идет в комнату и приносит откуда объемистые пакки писем. Слава, оказывается, имеет и свою обратную сторону! До поздней ночи порой пишет актриса ответы своим многочисленным корреспондентам. Многие просят рассказать, как стать актером.

— Что тут посоветовать? Где взять рецепт? — вздыхает Вия. — Конечно, нужны определенные задатки, способности. Ну, а к ним — обязательно хороший учитель. Мне, например, удивительно повезло. Главным режиссером Художественного был Эдуард Смильгис, основатель нашего театра, определивший его реалистическое направление и стиль. Он не знал жалости ни к себе, ни к артистам. «Запомните: театр — это подвизничество», — настаивал он. — Театр требует от вас всегда хорошего настроения, физической выносливости, умения отрешиться от личных дел. А главное — работы, ра-

боты, работы! И учтите: талант не падает с неба. Его рождает театр, только театр».

— Своими успехами на сцене я обязана прежде всего Смильгису, — продолжает артистка. — Да и в кино мне повезло на режиссеров. Первым, кто помог овладеть спецификой кинематографа, был Павел Арманд. Много дала мне работа с нашими латышскими постановщиками Леонидом Лейманисом и Ольгертом Дункерсом. Они хорошо контактируются с актерами, а главное — видят в каждом из нас личность. Понимаете: мыслящую личность, а не слепого исполнителя режиссерской воли. И это чрезвычайно важно, ибо только творческое сотрудничество на равных определяет успех...

До чего же быстро летит время: вот уже и сумерки вливаются в притихший сад. Каспар и Кристиана — сын и дочь, в который раз, вроде бы ненадолго, проходят мимо нашей скамьи и бросают на мать вопросительные взгляды: скоро ли? Артур Димитер, муж Вии, заслуженный артист республики, давно отложил газету и гремит на кухне посудой. И я задаю актрисе последние, не очень-то последовательные вопросы:

— Что вы считаете главным в искусстве? Ваши личные планы?

— В искусстве, как и в жизни, правда, простота и честность — главные элементы счастья. Так или примерно так говорил Горький, — отвечает Вия. — Актер должен быть правдив, честен, искренен, всегда и во всем: и в своей радости, и в своей печали, и в своей любви, и в своей ненависти. Только тогда зритель поверит ему до конца.

Что же касается планов, у меня их много. В театре мне хочется сыграть Клеопатру из трагедии Шекспира, Машу из «Трех сестер» Чехова, Спидо-лу из «Огня и ночи» Райниса, Анну

Каренину... Мечтаю создать яркий образ своей современницы. Но как тут не упрекнуть латышских драматургов: весьма не активны они в создании пьес, глубоко раскрывающих главные черты характера советского человека, современника и сподвижника. Мечтаю, конечно, и о съемках в новых картинах. Но на этот раз собираюсь выступить в необычном для меня — комедийном жанре. Недавно латышский писатель Лаймонис Вацземниек написал сценарий о рабочих милиции. В этом фильме буду играть лейтенанта...

Много можно было бы рассказать и о больших планах, которые намечают осуществить на заводе ВЭФ, где около десяти лет руковожу художественным советом Дворца культуры. Между прочим, сколько там талантов! Не так давно, например, рекомендовали мы в консерваторию участника заводской вокальной студии Арвида Лу-сте. А сейчас вот думаем, как бы лучше подготовить к поступлению во ВГИК одну молодую работницу. Не хочу пока называть фамилию...

Ох, уж эта неугомонная Вия Артмане! Не умеет она жить без завода, без шумного рабочего коллектива, без постоянной заботы о людях, о молодых талантах.

А может, в этом и есть высшее счастье художника? Художника, умеющего вот так прочно, по-хозяйски, идти по земле, постоянно чувствуя силу ее притяжения.

Вера КАЛНИНЬ.

РИГА.

5 стр. **ИЗВЕСТИЯ**

22.9.72 г. № 224 [17152]